

PĪ-1217774

СЕРГЕЙ СТРИБОЖИЧ



ВОЛОГДА
1924

Сергей Стрибожич

ПРЕДГРОЗЬЕ

СТИХИ 1916 ГОДА.

ВОЛОГДА.

1924.

*Великому мастеру поэтического цеха
Валерию Брюсову.*

*Скромный подмастерье
того же цеха.*

„И сердца горестных замет“.

Сумрак основной рощи.
Между деревьев алый мак,
Сосеник помнится тощий.
Борется с пламенем мрак.

Мягкою шерстью одето
Смуглое тело мое,
Злак запасается с лета,
С осени бьется зверье.

Трепетно шепчут осины
Совоскрешаемый крик,
Легок костюм темносиний,
Бел отложной воротник.

Между сердечных излучин
Крадется тихо печаль,
Миг настоящий ли скучен?
Или прошедшего жаль?

В голубой лазурной тихой келин
Золотистый меч простер
Полог легкий над постелию—
Пламенеющий костер.

Я лежу, слежу, как вечер догорающий
Опрозрачит леса даль.
Как из тучи нарастающей
Медленно сверкает сталь.

Как притихли за день утомленные
Воды, земли, небеса.
Как издревле предреченные
Совершатся чудеса.

Вижу ясно вестника со свитками,
Где начертан вечный мир.
Золотыми тает слитками
Ниспровергнутый кумир.

Вижу я как с думою беззлобною
Брату руку тянет брат.
Сенокоской стал удобною
Поражающий булат.

Вижу... Солнце спеленалось
И угас червонный луч.
Занеслось, вспыхнулось
Алой молнией из туч.

Взморье долго грохотало
Рвался ветер в поводах.
В омут туч луна ныряла.
Бился в берег влажный прах.

Сиротливо гнулись ивы.
Шелестел у скал песок.
На волнах пенились гривы
Черный час и черный рок.

А на утро светоч свежий
Оснял морскую даль.
Черный рок умчался. Где же
Часа черного печаль?

Лишь ладья прибита к берегу—
Рыбарям плохой удел.
Волн разбойному набегу
Моложен судьбой предел.

Так и в сердце, после бури.
Помни, мильи мой, одно —
Светлым полымем в лазури
Светит вечное око.

Окна кривые выдают в остроге,
Сизые тучи.
Яро река обрывает в дороге
Лесные кручи.

Нахнет в поеме медвяными росами,
Гудит пчела,
Щатом утер истомлен снокосами
Влагу с чела.

Сумерки гаснут. Туманы дымятся
Все в серебре.
На повечерии сосны теснятся
К алой заре.

Истомился я, изгоревался!
Да, любовь сильнее ума, сильнее.
Отнылали зори. Лунный серп остался.
Бархатное небо томней и синей.

Тишина нависла. Что же мне не спится?
Отчего на сердце горячеет кровь?
На востоке брезжит, на востоке рдится.
Пламя, радость, солнце, сердце и любовь.

Где же ты холодных дней моих подруга?
Истомился, стражду, больно раненя.
В бешеных извивах пламенного круга,
Как свеча у гроба, жизнь горит моя.

Что нас разлучает? Я люблю, ты любишь.
Кровожадной тигра черная печаль.
Осенью холодной скрепы лета срубишь
И умчишься к югу, к солнцу, к морю, в даль.

Но пока заря горит с востока,
Просит друга странник одинокий.
Выйди в рожь. Послушай по утру,
Как шуршат колосья на ветру.

Вечер сгас. Истомой вешнею
Залился колоколец.
Юрко вьется над скворёшнейю
Молодой скворец.

Как стрела дорога пыльная.
Кто ее верстал?
У пристяжек сбруя мыльная,
И седок устал.

Взор мертвящий туча синяя
Изподлобья навела.
Разметалась грива львиная
Около чела.

Жуть грохочущих ударов
Разорвала тишь,
Озарил зев амбаров
И солому крыш.

Смогло... Вьется над скворешнейю
Молодой скворец.
И тоскою полн нездешнейю
За рекой колоколец.

Мутнеет лес. .Лепечет ветер сонный.
Печалится за облаком луна.
Осыпан бор хвоею благовонной,
Целебной влагою земля наносна.

Сердца любви покорнее и мягче,
Душа разверстая тревогою полна,—
И крест земли и неба, жребий агничий,
В веках несет безронотно она.

Текут ручьи по коготн обрывов,
И лед плывет по лопу желтых вод.
И на краю уже последних срывов
Стоит задумчиво измученный народ.

Не стает он. Под пищенским вертьем
Сокроет раны гибельной зимы.
Разрубится ярмо. Минует лихолетье
И паче снега убелимся мы

В сумерках нежных догорает заря
Над безкрайнею далью равнин.
Потеряв все, что можно терять,
Милый друг, я тоскую один.

Влажный ветер задумчив и тих.
Чуть рябит посмуглевшая рожь.
Ожиданье привычно для них.
Неужели, мой друг, не придешь?

Озоленной любовью души,
Ах, кому передам я печаль?
Равнодушно шуршат камыши.
Равнодушно туманится даль.

Синеет сумрак. Небо однооко.
Рыдает серая сова.
Разносит вещий звон далеко
Полупотухшие слова.

Мир гибнет. Отмирающая клетка
Смердит дыханьем зла.
Как молотом разит нередко
Его удар орла.

Орел пока, закованный цепями
Велящей лжи, зловещей нищеты.
Но сон полуденный исполнится над нами.
И в пламени освободишься ты.

Какая серая унылость!
Сетчатый дождь докучно зол.
И неожиданная милость —
В тени сирени куст зацвел.

Уныло ходят жницы в хлебе,
Вдыхая терпкий аромат.
И только жаворонки в небе
О летнем солнце говорят.

Кричали Грачи перед утром,
Качая набухшие ивы.
Блестела трава перламутром.
Низин золотилась извивы.

Зафыркали чуткие кони.
Онахиуло их дымом сладким.
Заряли крылья погони,
Взыграли над краем родным.

Цвели мергелями утесы.
И бором струилась дорога.
А смерть, заносащая косы,
Смирлась блистаньем бога.

Тоскливо дремлет в поле колос
На тусклом голубом небес.
И орудийный смолкнул голос,
И потонул за дымкой лес.

Свинцом насыщен воздух жгучий.
От гари месяц почернел.
Назы долин, пригорков кручи
Усыпаны рядами тел.

Нелепо мельницы размахн
Стремятся к стонушен земле.
И лишь стальные черенахи
Зловеще шепчутся во мгле.

Прокляни лика солнца предзакатную
нежность.

Облака золотые, голубой небосклон,
Мутно серые горы, тихих рек безмятежности,
Леса сизые дали, ветряков перезвон.

Прокляни глуби сердца затаенные муки,
Холод разума строгий, силу вешней любви.
Пустоту ожиданья, горечь скорой разлуки,
И ненужные песни о пожаре в крови.

Владыке я ответил полночи.
Нет! Матери не прокляну!
Я—радостный земли подсолнечник,
Я у нее в плену.

Ветрами зыблется пыль золотая
Над синей угрюмой горой.
Серый сокол на солнце летает
И зовет врага за собой.

Лик сливает демон печальный
С лиловыми пятнами скал.
Земной я, бессильный, случайный
В языках притчею стал.

О, если бы смелости звонкой!
К подножью суровых гор.
Обманный близок в сторонке
Зеленый пахучий бор.

Пятно винноалое ливень омоет.
А кости сгрызет росомаха.
И крест водружится над мертвым покоем
В долине унынья и страха.

Около онушки умирала птица.
Крылья трепетали, в клюве кровь повисла.
В бочаге уютном камень золотится.
Солнце позабыло месяцы и числа.

Рыжая собака вытянулась стройно
Над усталым телом полумертвой птицы.
А в глазах у птицы ужас бесноконный,
Силится укрыться в глубь родной криницы.

Равнодушно некто в голубой одежде
Стукнул черным кремнем. Перестала
биться.
Солнце же сияло и теперь, как прежде.
В сумку вялым трупом опустилась птица.

Так и в жизни жуткой выпадают звенья,
И душа умчится от родной отчизны.
О, земли прохожий! Каблю сожаленья
У стога последней и печальной тризны.

Туман нагнал. С размаха опустились
Семь белых лебедей.
Осочный берег крут и плещет.
И нет вблизи людей.

Сплеленя стаей серо-серебристой
Под швой тихих вод.
Разсвет в пути. Заутреней росистой
Свободнее полет.

И дремлют грустные... Мечтательно и нежно
Плещет заря узор.
И скоро солнце явью неизбежной
Воспрянет из-за гор.

И сплещутся и с потускнелым взором
Надут на зыбь волны.
Слепой судьбы жестоким приговором
На смерть поражены.

Как поленика сумерный закат.
А поле стелется шершавым белоусом.
Стоит стогов поблекших ряд,
Чуть тронутых морозом русым.

За лесом стонет томная свирель
И бич отщелкивает скерцо.
Туманный август—не апрель.
Остынь, паянливое сердце.

Упругий лист увянет у берез.
Душа страстями утопится.
Из глаз потухших струи слез...
И в Лету миг любви умчится.

Непришедшего царства суровый пророк,
Разомкни золотые скрижали!
Мечет жребий надежды крылатый восток.
Голубятся задумчиво дали.

Скоро страшного вестник придет сюда
В воплощеньи старинно-иконном.
Облаков кучевых набегает града
И колышется в воздухе сонном.

Буревестник угрюмый крылами стремится.
Узорочится пеною море.
Улетит, прилетит, прилетит, улетит...
В голубом потухая просторе.

Заугрюмилась даль. И зазубрился брег.
Зыбкий ветер прохладой стреножен.
Прихотливое солнце идет на ночлег
В глубину фиолетовых пожен.

Озеро окутано бледными туманами.
Тешится забавами любимое дитя.
Лес сквозит осенними золотыми ранами,
Лыбятся листья на землю, в озими летят.

Небо то нахмурится, то порывом благостным
Осияет слякоти покаянных слез,
Одаскает огненно поцелуем жалостным
Маковки лимонные плакальщиц берез.

Волнами говимые языки янтарные
Озывают бережно одрачевший день.
Космами свиваются облака угарные,
Стелется поляною голубая тень.

Солнце осконченное в омут темный глянется,
Старится от старости, что ни день, то злей.
У болота чахлого к вечеру останется.
Груда намогильная нецельных углей.

Не плачь, золотистая осень!
Улады свои не теряй.
Трава у вторых сенокосей,
В лесах пламенеющий рай.

Душа отдыхает в привольи.
На сердце играет заря.
Мелеющих туч своеволье
Затейливо вьет янтаря.

Не плачь, золотистая осень!
Твое теремное добро
Задышет ледяная проснь.
И перекует в серебро.

И сердце застонет от боли.
Зубами скрежещет тоска.
Оборванный холод неволн...
Могилы зловеще близка...

Оторвался осиновый лист, оторвался,
Как кораблик, плывет в золотистом огне.
Я расстался с любимой, с любимой рас-
стался.
Словно раны, пылают цветы на окне.

Этот трепет душевный, порывистый трепет
Сердца-солнца свинцовый, угрюмый заслон.
Безнадежный осенний, осиновый лепет,
Фиолетовым пламенем горит небосклон.

Осторожно слагаю усталые руки.
Невозвратна любовь, невозвратна любовь.
Никогда. Никогда. О, зачем эти муки?
О, зачем разгорается алая кровь?

Я жив, но скоро стану трупом,
Земною перстью снова.
Каким самомнением глупым
Звучит это странное слово.

Придавит тяжелый камень
В земле газетовый гроб.
Где буйной мысли пламень,
Избороздивший лоб?

Все тленно. Будет тленом
Вчерашний хлебодар.
Идет на встречу сменам
Властительный пожар.

Пусть смерть. Но всныхнут ночи
Последним светом зорь.
Под вечер стань короче
Ты, сердце, и не спорь.

Окна в зареве багровом.
Тени мечутся у ног.
То грядет на землю новым
Воплощеньем древний бог.

А капризный вечер зимний
Обезкровливает лица.
Серебристый сыплет иней,
Полунебьем алым рдится.

Сердцем мертвым, сердцем вялым
Мир в боренье изнемог,
И пришел сияньем алым
Неустанно жданный бог.

Холодные талые губы
У милой невесты моей.
Дыханья будет грубы,
А сердце смерти сильней.

Затаил я печальную муку—
Ворох потухших углей.
Вижу земную разлуку—
Коричневый смерти елей.

Плоснула нежить туманом
И мир заволокла.
Меж нами темным обманом
Ночная мгла легла.

Очнитесь, серые люди!
Похорошает рай.
Всем воскресение будет..
Но может быть... невзначай.

Седыми ключьями свивала
Убор властительной зимы.
Гляделась долго в окна зала,
Качая кисти бахромы.

Понесся ветер, обжигая
Листы последние берез.
Синиц веселых порхала стая.
Дорогой стучал тяжелый воз.

В камине брызгало полсно
Смолистой отноти слезой.
И озаряло тускло стены
Тяжеловатой полосой.

Уже пришла пора мятежей
Порывы прошлые рождать.
А птицы ранние не смели
Покой печальный переждать.

Недвижим на земле лежал.
Глаза потухшие молчали.
Весенних мух жужжащий бал.
И смерти черные скрижали.

А на плече вился узор,
Как будто шалостью чернила.
Был радостен зеленый бор.
Дышала сыростью могила.

В лицо я небу посмотрел—
Оно смеялося, огромно.
Какой прекраснейший удел—
Убитым быть стрелою громной.

Холодит летая ветер.
Бьет весло.
Сторонись, безнечный, где-то
Цень снесло.

И трепещет воздух ярый
Всей листвою,
От весеннего угара
Сам не свой.

И на помощь мчится эхо
Комонь-гром.
Народилась помеха
За морем.

Заклишело сине море
Пеной воли.
И разбило на угоре
Старый челн.

И кругом земного шара
Буен мир.
Пал от братского удара
Царь-кумир.

Две русые березки
За острокрылым тыном.
Смолою капают доски.
Конек стропильный сдвинут.

Веселый подвиг труден.
Железный гвоздь вбиваю.
В роззехах трезвых буден
Иная жизнь играет.

Собью и будет крепок
Спокойный остов дома.
Весенний ветер цепок
И бьют удары грома.

Весна идет, играя
Молотами, как пухом.
Великий праздник мая
Для насыщенных духом.

Плавится белое золото
В чашу без дна.
Остро грохочущим молотом
Будит весна.

На перекрестке дороги
Звонок ручен.
Месяц забил полорогий
Снопом лучей.

Белая девушка ищет
Неопаленых уст.
Зверь ли поляною рыщет —
Хвоста хруст.

На вечерах в воскресенье
Стонет свирель.
Всю затопило весеннюю
Влагой отмель.

Сердце, как нахмуренные тучи,
Застылают полудня синеву.
Наглый ветер цепкий и колючий
Шелестит листьями во рву.

Березы в роще, как манекены,
Готовы одеться в зелень.
Золотые солнца перемены
Веселят и мучают меня.

Весеннего таянья боренье
Нудится холодом зимы.
Светлое настанет воскресенье
И станем солнечными мы.

На поддень с красных крыш текло,
И солнце реяло в тумане.
В окне старинное стекло
Зарей горит рубина рдяней.

В сугробы сметены снега.
Плотина стынет ледонадом.
Грустят уныло берега
Реки за оголенным садом.

Лугами лажу лыжный бег.
Лиловою тенью сумрак клонит.
И изредка в хрустальном снегу
Звезду вечернюю уронит.